

Окончание. Начало на стр. 1

– Препней властью вы если не были обласканы, то, во всяком случае, в черных списках не состояли. Вас наградили практически всеми существовавшими советскими премиями. А в своих книгах вы все равно показывали фигу советской власти...

– Я всегда был противником соцреализма и не скрывал этого.

– Но при этом с удовольствием рассказываете, что Брежнев плакал, читая ваши «А зори здесь тихие...».

– Брежнев просто был очень сентиментальным.

– Может, поэтому вас и не трогали?

– Да кто меня мог трогать? И за что? Но все мои книги были вызовом партийному стилю. Соцреалистические произведения заканчивались торжеством героя. Но такие герои – не жильцы в стране. Поэтому я и теперь продолжаю писать так, как писал. Я всю жизнь мечтал стать историком. Если бы не война, то я им бы и стал. Мы жили в Смоленске, и я не знал тогда, что есть такой в Москве Историко-архивный институт. Мои работы связаны с историей моего рода, особенно со стороны матери. Это был очень древний дворянский род. В Эрмитаже в галерее героев 1812 года есть портрет моего прапрадеда генерал-лейтенанта Ильи Ивановича Алексеева. Его сын Александр Алексеев был другом Пушкина. Именно ему Пушкин дал на хранение стихи Андре Шенье. Когда их нашли, то Александр четыре месяца провел в одиночной камере Петропавловской крепости. Бенкендорф лично допрашивал его и хотел, чтобы он признался, что стихи Шенье ему дал Пушкин. Но он не сознавался: «Какой такой Пушкин? Не знаю я никакого Пушкина. Этими стихами со мной расплатился какой-то офицер, я их никогда и не читал». Бенкендорф был вынужден отправить его на офицерский суд чести за хранение запрещенных стихов. Суд разжаловал его в солдаты, и он был отправлен на Кавказ. Через год вернулся в Петербург с Георгиевским крестом в звании поручика. Я написал четыре книги о моих предках.

– В прошлом находите для себя больше интересных личностей, чем в современности?

– Может быть. К тому же история отсеивает случайных выскочек.

Впрочем, историей сейчас не все интересуются. Российская крестьянская психология историю вообще не воспринимает. История крестьян умирает в их прадедах – мало кто знает, где находятся могилы предков. Сейчас же доминирует психология победившего обывателя – ему нужен только сегодняшний день.

– Не могли бы пояснить?

– Вы посмотрите, что творится на телевидении. Сплошные песни и танцы. На мой взгляд, никакой серьезный человек смотреть этого не может, а нам показывают зал, умирающий от хохота. А отчего смеются? Оттого, что кто-то прошелся по сцене гусем? Это не смешно. Это противно. Ведь это дешевый базарный Петрушка. Представляете, до чего мы деградировали?! Ленин сдержал слово – погубили Россию.

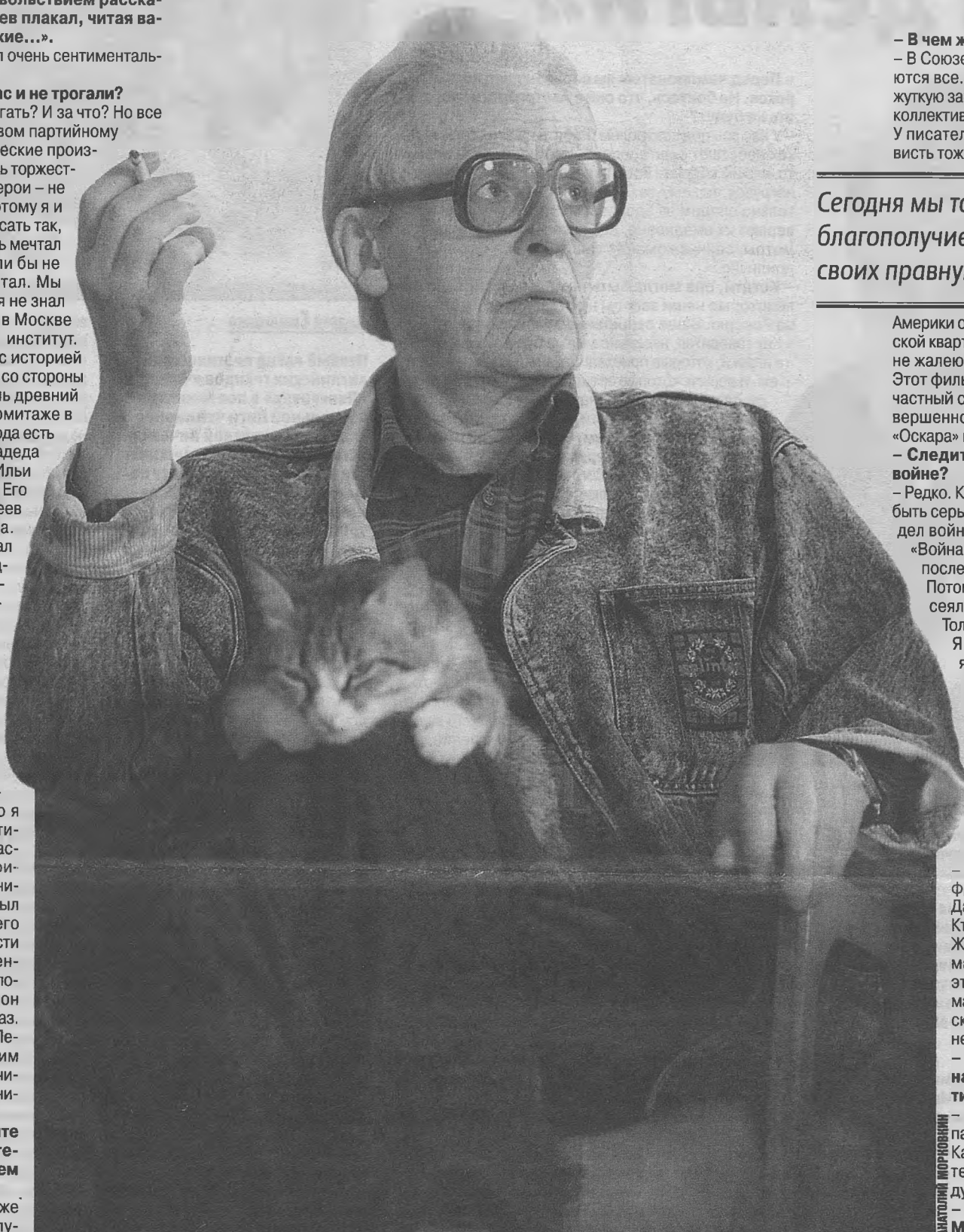
– Это ваш окончательный диагноз или предположение?

– Конечно, Россия не воспрянет, сил нет. Чем мы торгуем? Сырьем. То есть благополучием своих правнуков. Телевизоры японские, компьютеры американские, машины немецкие. У нас ничего своего практически нет.

– По-вашему, историю, как ленту, стоит отмотать на сто лет назад и вернуться к монархии?

– Считаю, что единственно верный способ правления в России – монархия. Мне кажется, так думал и Ельцин. Напомню, что он сделал для этого. Он небывало торжественно похоронил останки расстрелянных большевиками членов царской семьи. Он приглашал в Россию единственного законного наследника трона Георгия. Ельцин понимал, что монарх – единственный, кто может спасти страну.

«Каждый видел из своего окопа»

– В чем же эта разница?

– В Союзе кинематографистов успеху радуются все. В Союзе писателей видишь лишь жуткую зависть к успеху. У киношников – труд коллективный и радость тоже коллективная. У писателей и труд индивидуальный, и зависть тоже индивидуальная.

Сегодня мы торгуем благополучием своих правнуков

– Простите, не знал и был удивлен, что фильм «А зори здесь тихие...» номинировался на «Оскара».

– Помню, как Стас Ростоцкий вернулся из

Америки очень веселый, мы сидели в московской квартире, и он мне сказал: «Я нисколько не жалею, что «Оскара» получил «Кабаре». Этот фильм куда серьезнее, чем наш. У нас частный случай, а там показана эпоха». Совершенно правильно сделали, что не дали «Оскара» нашей картине.

– Следите за тем, что пишут сегодня о войне?

– Редко. К сожалению, о войне пока не может быть серьезного романа. Каждый из нас видел войну из своего окопа. Почему роман «Война и мир» был написан спустя 50 лет после Отечественной войны 1812 года? Потому что отсеклось все ненужное, отсеялись вот эти окопы, и только тогда Толстой написал прекрасное полотно. Я не ожидаю, что при моей жизни появится что-то такое про последнюю войну.

– Как вы относитесь к тому, что теперь про Великую Отечественную пишут молодые авторы? Например, в «Современнике» поставили пьесу «Голая пионерка» про девушку, которая сексуально обслуживала чуть ли не целую роту между боями.

– Выдумки все это. Никто девушек на фронте не трогал, не до этого было. Да и сделано все это для продажи. Кто купит, например, такую книжку? Женщина. У нас сейчас появилась масса дамских романов. Никогда этого не было в России. Появилась масса детективов, а это ведь не русский жанр. Мы никогда не переплюнем американцев в детективах.

– Как же тогда «Преступление и наказание»? Разве это не детектив?

– Еще какой детектив! Преступник падает на колени и кричит: «Я убил! Казните меня!» Вот это русский детектив! В этом смысле и «Мертвые души» можно назвать детективом.

– Почему вы переехали жить из Москвы в Солнечногорск?

– Если бы я не уехал из Москвы, то давно бы, наверное, помер. Знаете, какой тут воздух и какая тишина! Тут меня никто не тревожит и не надо ехать на какое-то заседание. Гораздо лучше, а друзья ко мне дорогу знают. Летом мы с собакой гуляем часами по лесу. Я очень люблю лес, ведь я смоленский. Это счастье.

– Правда, что вы в свои 72 года научились работать на компьютере?

– Да. За месяц освоил его, теперь от руки уже не пишу. В этом есть преимущество, но есть и недостатки. Если сказать честно, когда писал пером, то было ощущение, что мысль стекала с него. А тут передо мной – холодная машина! Но у нее есть преимущество: очень удобно чистить текст. Раньше машинистки мучались с моими правками, мне приходилось иногда перепечатывать все самому. А знаете, сколько надо времени, чтобы перепечатать роман на машинке одним пальцем!

– По-вашему, писательство – это профессия? Ведь многие литературные классики делали что-то еще, кроме писания стихов – Пушкин служил в министерстве, Гете был министром, Байрон сражался. Да и любимый вами Чехов был доктором.

– А разве писать это мало? Это очень много! Я не считаю, что писатель обязан где-то кем-то служить. Писательство – труд уважаемый в России.

– Бродский говорил, что только в России писатели живут за счет своих сочинений...

– Так вот поэтому мы и есть – Россия! Мы – совершенно особая страна, второй такой не существует. Знаете, в чем ее особенность? Россия никогда не имела колоний. Все присоединившиеся к ней государства входили в нее добровольно, и это было не только формально.

– Вы много писали об офицерской чести. Вам не кажется, что сегодня для военных это понятие не всегда на первом месте?

– Честь с мундиром не выдается. Честь – это нравственная начинка. Раньше учили не врать, не воровать, не трусить, вести в бой за собою солдат. Сейчас трудно даже представить, какое отношение было к солдатам в русской армии. Начнем с того, что солдат никогда не служил 25 лет, все это выдуманно при советской власти. Самый большой срок службы был во время наполеоновских

– Правда, что вы учились писать, переписывая от руки Чехова?

– Правда. Мне никто это не подсказывал, это, сам догадался. Я очень люблю Чехова, и считаю, что так тщательно писать, как писал он, никто не может. У него нет ни одного лишнего слова. Я учился у него строить фразы. У меня же не было никакой подготовки – по образованию я инженер-испытатель.

– А как же тогда курсы киносценаристов?

– В киношники я попал по следующей причине. Моя первая пьеса называлась «Офицер». Я хорошо знал мир армии, которая переживала очень серьезный конфликт – на месте старых боевых офицеров стали приходить молодые, окончившие академии, которые не воевали и не имели боевых орденов. Они встречали отторжение, их пытались выпихнуть... Мою пьесу об этом конфликте поставили в театре Советской Армии, но уже после второго спектакля она была запрещена Главным политуправлением без объяснения причин. Тогда мне позвонил Николай Погодин, очень известный в то время драматург, он возглавлял журнал «Театр» и вел курсы киносценаристов. Он сказал мне: «Приходите, надо поговорить». Он рассказал, что хотел напечатать мою пьесу, но его заставили рассыпать набор. Погодин предложил прийти на его курсы и пообещал взять без всяких экзаменов. Закончил я их за шесть месяцев, написав сценарий, и стал киносценаристом. Так Союз кинематографистов стал первым моим союзом. Членом Союза писателей я стал потом и увидел разницу между ними.

В отличие от кинематографистов, писатели не радуются чужому успеху

войн. К тому же, как только солдат получал Георгиевский крест, у него тут же сокращался срок службы, и если в армию он уходил крепостным, то возвращался свободным.

– Как вы относитесь к тому, что генералы занимаются политикой?

– Они не должны ею заниматься. Армия вообще не должна влезать в политику. Русская армия никогда этого не делала.

– А как же тогда Корнилов?

– Корнилов первым пошел защищать Россию; потом были Деникин и Колчак. Кстати, Колчаку недавно поставили памятник, надо сделать все, чтобы и Деникину поставили памятник. Это же какой надо быть личностью, чтобы из солдатского сына дорости до Главнокомандующего всеми вооруженными силами России!